

Глава 1

«Никого не осталось...»

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у неё были жёлтые и лицо тоже жёлтое, ибо родилась она в Индии и всё время чем-то болела. Отец её был служащим в английской администрации и веч-

но работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребёнок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала её на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб¹, то пусть лучше не пускает девоч-

¹ Мемсахиб (англо-индийск.) — госпожа (так слуги называли англичанок).

ку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и её держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, её тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, её всегда окружали тёмные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всём уступали — ведь мемсахиб рассердится, если её потревожит плач ребёнка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить её читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не аяя, а какая-то незнакомая служанка, ещё пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою аяю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что аяя прийти не может, а когда Мэри стала кричать,

бить её и пинать, та только в ужасе повторяла, что аяя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро всё было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставались в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и аяя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем всё больше и больше сердилась и бормотала про себя всё, что выскажет Сейди, когда та вернётся.

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньёй — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушёнными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но ещё внимательнее — свою мать. Она всег-

да любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так её называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Её шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздёрнут, а огромные глаза смеялись. Она носила лёгкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза её не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

— Неужто это так серьёзно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам ещё две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий приём. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился всё громче и отчаяннее.

— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс. У неё перехватило дыхание.

— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдёмте! Пойдёмте!

Она повернулась и побежала в дом.

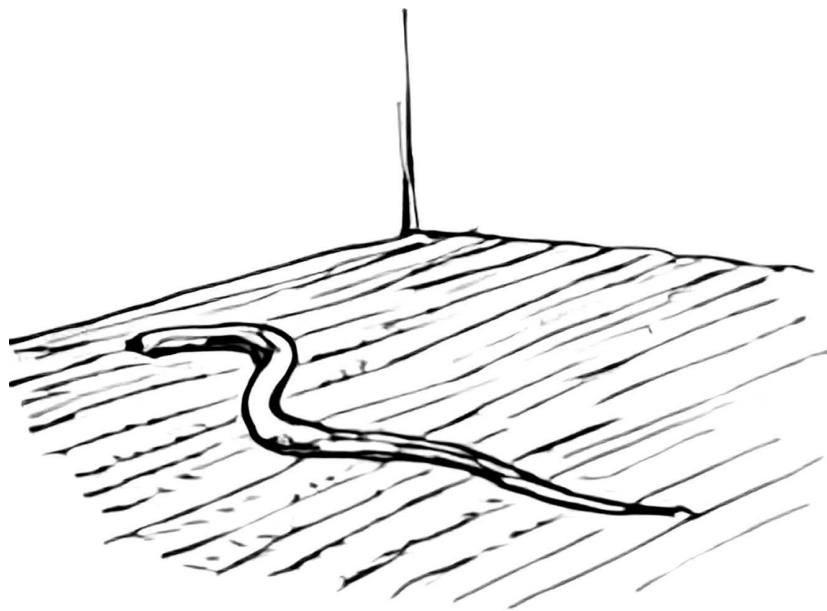
То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что её няня умерла. Не прошло и дня, как умерли ещё трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царила паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто её не хватился, никому не было до неё дела, а она и не подозревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе ещё стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного

фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро её стало клонить ко сну, она вернулась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготнёй в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у неё просто слипались; она улеглась на постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако её не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжёлое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царил полнейшая тишина. Такого ещё никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и всё опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда аяя умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую аяю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших её напугали, и ещё она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь её никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всём, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придёт за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось всё тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидела маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверь.

«Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у неё была девочка, хотя её никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и насупленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошёл высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с её отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав её, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребёнок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал её дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разрази-

Фрэнсис Бёрнетт. Таинственный сад

лась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идёт?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Её здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идёт?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на неё. Мэри даже показалось, что он сморгнул слёзы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у неё нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нём и правда не было никого, кроме неё и маленькой быстрой змейки.

Мэри привыкла смотреть на мать издалека и любоваться её красотой, но она её почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала — как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, её, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она

была ещё мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так вечно и будет. Беспокоилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадёт, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как её аяя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что её не оставят в доме английского священника, куда её устроили поначалу. Да она и не

хотела там оставаться. Священник был беден, а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня через два никто уж не хотел с ней играть. И дня не прошло, как они дали ей прозвище, которое привело её в ярость.

Придумал его Бэзил. Это был небольшой мальчишка с дерзкими голубыми глазами и вздёрнутым носом; Мэри его ненавидела. Она играла одна в тени под деревом, совсем как в тот день, когда разразилась холера. Она насыпала кучками землю, как будто это клумбы, а между ними дорожки, как вдруг явился Бэзил, встал неподалёку и стал смотреть, что она делает, а потом заинтересовался и предложил:

— А ты не хочешь насыпать кучку камней — тогда у тебя получилась бы горка? Вот здесь, в середке.

И он наклонился, чтобы показать.

— Уходи! — закричала Мэри. — Мне мальчишки не нужны! Убирайся!

Бэзил было рассердился, а потом принялся дразнить её. Он вечно дразнил сестёр. Он заплясал вокруг Мэри, корча рожи, смеясь и напевая:

*Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своём саду?
Серебряные бубенчики,
Ноготки и лебеду.*

Он пел и пел эту песенку, пока его не услышали остальные и не присоединились к нему; чем больше Мэри сердилась, тем больше они её дразнили; и пока она жила у них, они так и звали её и в лицо, и за глаза: «мистрис Мэри, злючка Мэри».

— Тебя отправят домой, — объявил ей Бэзил. — В конце недели. И прекрасно! Мы этому очень рады!

— И я тоже рада, — отвечала Мэри. — А куда это домой?

— Она не знает, что такое «домой»! — закричал семилетний Бэзил, с презрением глядя на неё. — В Англию, конечно. Там наша бабушка живёт. Нашу сестру Мейбл посылали к ней в прошлом году погостить. Только ты едешь не к бабушке. У тебя нет бабушки! Ты едешь к своему дяде. Его зовут Арчибальд Крейвен.

— Не знаю такого, — отрезала Мэри.

— Ну конечно, не знаешь, — согласился Бэзил. — Ты ничего не знаешь. Девчонки вообще никогда ничего не знают. Я слышал, как папа говорил

Глава 2. «Мистрис Мэри»

о нём с мамой. Он живёт в деревне, в большом обветшалом старинном доме, с ним никто не знает. У него такой дурной нрав, что он никого к себе близко не подпускает. Да если б и подпускал, всё равно никто бы к нему и не пошёл. Он такой противный! И горбун!

— А я тебе не верю, — заявила Мэри, поворачиваясь к нему спиной и затыкая пальцами уши. Она не желала больше этого слушать.

Но позже она долго размышляла над его словами; и когда миссис Крофорд сказала ей вечером, что через несколько дней её отошлют на пароходе к дядюшке, мистеру Арчибальду Крейвену, который живёт в Мисселтвейт Мэноре, она молчала с таким безразличным видом, что мистер и миссис Крофорд совсем растерялись. Они попытались её приласкать, но, когда миссис Крофорд нагнулась, чтобы поцеловать её, Мэри отвернулась, а когда мистер Крофорд похлопал её по плечу, она словно окаменела.

— Она такая некрасивая, — заметила позже миссис Крофорд с жалостью. — А мать у неё была такая красавица! И так изящно всегда держалась, а Мэри совсем не умеет себя вести. В жизни не видала такого невоспитанного ребёнка! Дети прозвали её злючкой. Они, конечно, шалуны, но их можно понять.

— Возможно, если бы её красивая и изящная мать больше времени проводила в детской, то Мэри переняла бы её манеры, — возразил мистер Крофорд. — Бедняжка, её уже нет в живых, но, как это ни грустно, раньше многие даже не подозревали, что у неё есть дочь!

— Она почти и не виделась с девочкой, — вздохнула миссис Крофорд. — Когда умерла нянька, о ребёнке некому было и вспомнить. Подумай только, слуги разбежались и бросили её одну в доме! Полковник Мак-Гру говорит, он чуть не упал от неожиданности: открыл дверь — а она стоит посреди комнаты!

Долгое путешествие в Англию Мэри провела под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-пансион. Эта дама была так поглощена своим маленьким сыном и дочкой, что с радостью передала Мэри женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за ней в Лондон. Это была экономка из Мисселтвейт Мэнора, полная краснощёкая женщина с пронзительными чёрными глазами по имени миссис Медлок. На ней было лиловое платье, чёрная шёлковая мантилья с бахромой из стекляруса и чёрная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые вставляли дыбом, стоило ей тряхнуть головой. Мэри с первого взгляда её невлюбила;

впрочем, неудивительно: ей редко кто нравился, да и на миссис Медлок она явно не произвела приятного впечатления.

— Ну и ну! — протянула миссис Медлок. — До чего же неказиста! А мы-то слышали, что мать у неё была красавица. Она от неё ничего не взяла — правда, сударыня?

— Возможно, с возрастом выправится, — добродушно возразила офицерская жена. — Всё бы ничего, будь у неё румянца побольше да манеры получше. Черты лица у неё неплохие. Дети со временем сильно меняются.

— Да, придётся ей очень сильно измениться, — отвечала миссис Медлок. — Только в Мисселтвейте детям выправляться не с чего — вот что я вам скажу!

Они полагали, что Мэри их не слышит — она стояла в стороне, глядя в окно (разговор происходил в небольшой гостинице, где они остановились). Мэри смотрела на проезжающие омнибусы и кебы, на спешащих мимо людей, но она всё хорошо слышала и очень заинтересовалась дядюшкой и его именем. Что это было за место? И каким окажется он сам? А что такое «горбун»? Она горбуна никогда не видела. Может, их в Индии нет?

Теперь, когда Мэри жила по чужим домам, и у неё больше не было айи, она чувствовала себя совсем

одинокой, странные мысли стали приходить ей в голову, прежде ей совсем незнакомые. Почему, думалось ей, её никто не любил, даже когда её родители были живы? Других детей их отцы и матери любили, а ей никто ни разу не сказал: «Моя девочка!» У неё были слуги, еда и одежда, но никто не обращал на неё внимания. Это происходило оттого, что она ни в ком не вызывала симпатии; но она этого не знала. Ей часто не нравились другие, но она и не подозревала, что и сама производит на других неприятное впечатление.

Миссис Медлок с простецким румяным лицом и смешной шляпкой ужасно не понравилась Мэри. Когда на следующий день они отправились в Йоркшир, Мэри прошествовала по платформе к поезду, высоко подняв голову и стараясь держаться от неё на расстоянии: ей не хотелось, чтобы люди решили, будто она, Мэри, имеет к миссис Медлок какое-то отношение. Этого ещё недоставало!

Но миссис Медлок не было дела до Мэри и её чувств. Она была из тех женщин, которые, по её собственному выражению, «не терпят от детей никаких капризов». Так бы она, по меньшей мере, заявила, если б её спросили. В Лондон она поехала против воли — на тот день как раз была назначена свадьба её сестры Марии, но она дорожила местом в Мисселтвейте, жа-

Глава 2. «Мистрис Мэри»

лованье там было хорошее, и ей ничего не оставалось, как беспрекословно выполнить распоряжение мистера Арчибальда Крейвена. Она даже спросить его ни о чём не решилась.

— Капитан Леннокс с женой умерли от холеры, — сказал ей мистер Крейвен, как всегда холодно и чётко. — Капитан Леннокс — родной брат моей жены, теперь я опекун их дочери. Надо доставить сюда ребёнка. Вы поедете в Лондон и привезёте её.

И миссис Медлок уложила саквояж и поехала в Лондон.

Мэри, насупившись, забилась в угол. Читать ей было нечего, смотреть не на что, и она просто сидела, сложив на коленях худенькие руки в чёрных перчатках. Чёрное платье лишь подчёркивало нездоровый цвет её лица, а прямые тонкие волосы некрасиво выбились из-под шляпки с чёрным крепом.

«В жизни не видывала такой набалованной девочки», — думала миссис Медлок, подразумевая, что в жизни не видела ребёнка, который сидел бы так неподвижно и ничем не был занят. Наконец миссис Медлок надоело разглядывать Мэри, и она заговорила.

— Я, пожалуй, пока расскажу тебе, куда ты едешь, — произнесла она резким строгим голосом. — Ты что-нибудь знаешь о своём дядюшке?

— Нет, — отвечала Мэри.

— Разве ты никогда не слышала, что говорили о нём родители?

— Нет, — повторила, нахмурилась, Мэри. Нахмурилась она оттого, что родители вообще с ней почти не говорили. И уж конечно, ничего ей не рассказывали.

— Гм, — пробормотала миссис Медлок, всматриваясь в замкнутое личико своей неразговорчивой спутницы. С минуту она молчала, а потом произнесла: — Придётся мне всё-таки тебе кое-что рассказать... Подготовить тебя, что ли?.. Ты едешь в странное место.

Мэри молчала. Её нескрываемое безразличие на миг смутило миссис Медлок, однако она набрала воздуха в лёгкие и продолжала:

— Ничего не скажу, дом великолепный, хотя очень древний и мрачный, и мистер Крейвен по-своему им очень гордится, только от этого не веселее. Дому шестьсот лет, и стоит он на самом краю пустыши, в нём чуть не сотня комнат, только все почти закрыты — заперты на ключ. И картины там есть, и прекрасная старинная мебель, и всякая другая старина, а вокруг большой парк, сады и деревья с ветвями чуть не до самой земли — не все, конечно, но есть и такие. — Она остановилась и снова набрала воздуха в лёгкие. — Но больше там ничего нет.

